

СПОКОЙНЫЙ ТРАГИЗМ АЛЕКСЕЯ ГЕРМАНА

Сегодня известному кинорежиссеру исполняется 60 лет

Независимая
газета, 1998, 21 июля

Алексей Герман всегда получает удовольствие от работы.
Фото ИТАР-ТАСС

Екатерина Барабаш

МНОГИЕ говорят: «Удивительно, что он не сломался». Очевидно, под «не сломался» подразумевают «не спился». Или «не сломался» — в смысле не пошел на поводу у тех, кто укладывал его картины на полку. Не считите это казуистикой, но очевидно — он не сломался в первом смысле потому, что не сломался во втором.

Молодёж — заочно похлопывают его по плечу одни. Жуткий характер — разводят руками другие. Да уж, конечно, только человек немислимо упрямый, с жутким характером мог «изнасиловать» Госкино СССР, но настоять на своем (а там, между прочим, не кисейные барышни работали), доказывая, что никто, кроме Юрия Никулина, не сможет сыграть Лопатина в картине «20 дней без войны». Нику-

лин?! Лопатина?! Некрасивый, несладкий комик-клоун (ну да, ну талантливый, кто ж спорит) — фронтовика-газетчика? Мало вам на необъятных наших просторах не менее талантливых, но... как бы это выразиться... по-статней, что ли? Мало, сказал Герман. Поэтому будет Никулин. И был Никулин. Германа бюрократическая машина не сожрала, потому что он не дал ей почувствовать запаха крови. Он всегда был в доспехах, невероятно уверенный в собственной правоте и правде.

Я помню подпольный (в прямом смысле слова, поскольку происходило это где-то в подвале «Ленфильма») просмотр только что законченного, но уже официально обреченного «на полку» фильма «Мой друг Иван Лапшин». И помню немного странное в той ситуации ощущение: боль, тиски в груди от самого фильма, помноженные на (да простит мне Алексей Георгие-

вич) полное равнодушие к решению властей предержавших. Успокаивали германовские «доспехи», давали уверенность, что абсурд этот вместе с его апологетами рано или поздно пройдет, а фильм этот останется. Состояние это было сродни эйфории или даже шоку, хотя внешне, на первый самый взгляд, в фильме не было ни великих формальных открытий, ни каких-то особенных, «выпирающих» откровений. Но как он чувствовался нутром, какой тоскливой безысходностью, смешанной с тоскливой же злостью, отзывался в мозгу.

Готовый измучить и себя, и других, как привередливый лекционер, Герман готов уйму времени потратить на выбор актеров. Лица — типы, безукоризненно подобранные в его фильмах-коллекции, — это запоминается навсегда. Как Андрей Болтнев, дебютант из глубокой провинции (царство ему небесное), — был стопроцентным попаданием. Как прежде — Юрий Никулин и Лия Ахеджакова. Неожиданный Андрей Миронов, — другой, совсем незнакомый. Удивительное умение попадать! И ставший воплощением, почти символом русского мужика (из анекдотов, сказок и былин одновременно), капитаном Тушиным Великой Отечественной — Ролан Быков в «Операции «С Новым годом!» («Проверка на дорогах»).

Ни черта не понимаешь те, кто теперь за здорово живешь кривят рот и цедят, что «Проверка на дорогах» нынче не смотрится, что это слезливая история о предателе, оказавшемся хорошим человеком. Чушь. Не предатель Лазарев (Владимир Заманский) тут главный герой (хотя и о нем можно писать, говорить и спорить), а Локотков — Быков, маленький и несокрушимый.

«Любить иных — тяжелый крест». Поэтому не будем строги к нашим зарубежным коллегам, раздраженно покидавшим зал Каннского фестиваля, когда там

крутили «Хрусталева, машину!», и на следующий день разродившимся обиженными рецензиями — мол, смотреть невозможно, все непонятно. Действительно, монтаж хромал, отсюда моментами непонимание на физиологическом уровне — не расслышал, не разглядел, потому где-то сюжетный поворот упустил. И все же можно было чуть повнимательней отнестись, чтобы на следующий день не называть в своих рецензиях в уважаемых журналах Хрусталева главным героем, — уж это-то заметить было совсем просто.

Германа любить трудно — не каждому дано проникнуться его спокойным трагизмом, его тяжелой и светлой любовью. И не всякий увидит нежность, которой пронизан каждый кадр фильма «Хрусталева, машину!». Нежность к эпохе. Но не только. Оставим в стороне разговоры, что все это Фрейд, что Алексей Герман таким образом подсознательно объясняется в любви Юрию Герману или же подсознательно не соглашается с ним, что это «сыновнее кино». Для меня «Хрусталева», эти черно-белые воспоминания-ощущения страшных сталинских времен, — не что иное, как безжалостное и нежное объяснение в любви всем. Кто живет в жуткой, но прекрасной стране — России, и самой стране, в которой живем мы, жуткие и прекрасные люди. Не важно, что Герман ничего не получил в Каннах. Более того, это нормально. Он слишком наш, и его «Хрусталева» — наш. Там никто не мог понять, почему арестованный генерал, еще вчера любимец Сталина, улыбается, когда его бросают в зековский грузовик. Объясним — поймут. Умом. А мы — нутром. Талант его не брызжет, как из пульверизатора, на всех, кто рядом. Надо самому подойти поближе, всмотреться, вслушаться. Но уж если увидел, вслушался, — это на всю жизнь.